

ЧТО ТАКОЕ «ВНЕДРЕНО»?

На торжественном вручении медали и диплома лауреату конкурса «Техника-колесница прогресса» президенту и генеральному конструктору «ИВП Дергачева», почетному железнодорожнику СССР Эдуарду Петровичу Дергачеву с ним побеседовал корреспондент ИР Юрий Егоров.

Ю.Е. Эдуард Петрович, начну с понятия «качество жизни». В пристрастных беседах с «братьями по разуму» мы пришли к общему мнению, что оно — двухкомпонентно и складывается из:

- а) материального достатка, обеспечивающего физическое здоровье и, как следствие, продолжение рода;
- б) свободного времени, необходимого для духовного развития и творчества.

Отсюда вопрос: как вы оцениваете качество своей жизни?

Э.Д. Ваша формулировка верна в принципе, и я с ней согласен, но с оговорками. Нельзя игнорировать понятие «судьба»; она у всех своя.

Качество жизни нарабатывается по ходу времени: детство, отрочество, юность, зрелость — дистанция примерно в 30 лет, которую каждый проходит, используя все свои способности, как природные (генетические), так и приобретенные в учебе и борьбе за лучшее существование. Одни настырны и им везет, другим не очень, а есть и вовсе бедолаги. О талантливых умолчу, их не так уж и много.

Теперь о себе.

Детство и юность прошли в голодные и холодные послевоенные годы. Но нет худа без добра, тогда проходила закалка личности и определение места в обществе. Нужда заставляла думать неординарно, а это значит, надо было что-то усовершенствовать, изобретать.

Задумался, а какая отрасль самая динамичная, многоплановая и разносторонняя? Я выбрал железнодорожный транспорт и не ошибся. После окончания Московского института инженеров транспорта убедился — это на самом деле мое!

По первоначалу прошел через неустрашенность в быту, скитания и поиск себя в деле. Причем я разработал и внедрил более 500 новшеств на уровне рацпредложений. Был замечен, отмечен и бойко продвигался по служебной лестнице.

Ю.Е. Эти инновации отнимали у вас свободное время?

Э.Д. Естественно, но такие затраты были мне в удовольствие. Зрелища, игры и «душеспасительные» беседы отходили на второй план.

Выходя на балкон своей маленькой московской квартирki, я наблюдал за мужиками, часами забивающими «козла», и всякий раз удивлялся тому, как бездарно они гробят ни за что ни про что драгоценное время. Вот вам еще один нюанс, поясняющий ваше определение качества жизни. Для них, «козлятников», время ничто, ну не судьба, а для меня вечный дефицит — моя судьба.

Я ежедневно урывал по часу-два для чтения научных и популярных журналов, в основном это «Техника Молодежи», «Знание — сила», «Наука и жизнь», разумеется, «ИР», в которых подчас находил «подсказки» к своим техническим решениям и прилагал усилия для их реализации.

Ю.Е. Изобретательство стало вашей профессией или?..

Э.Д. Скорее да, чем нет. С конца 40-х гг. и до перехода к нынешнему дикому капитализму я защитил и реализовал 52 изобретения. Самым продуктивным было десятилетие с 1975 по 1985 г. Тогда я впервые внедрил эффективный способ очистки воды от нефтепродуктов и еще несколько инноваций, кардинально решающих некоторые проблемы, к которым притерпелись обслуживающие подвижной состав. Все внедренные изобретения и ныне в действии и на сети железных дорог используются повсеместно. Так что считать меня изобретателем-профессионалом, думаю, можно. Хотя бы еще потому, что мои разработки признаны и отмечены не только в России, но и на знаменитой Брюссельской «Эврике», и на всемирном «Конкурсе Лепин» в Париже. Весной нынешнего года мне присудили там золотую и серебряную медали за устройства, которые пришлось ко двору европейским железнодорожникам.

Вернувшись домой, я срочно взял патентовать их в странах ЕС, чтобы никто, грубо говоря, не слямзил.

Ю.Е. Как я понимаю, вы сумели совместить изобретательство и сугубо профессиональную деятельность. Поэтому вы являетесь, на мой взгляд, идеальной фигурой для иллюстрации понятия «внедрено». Так что же оно обозначает?

В словаре С.И.Ожегова (и только у него, в энциклопедиях объяснения этому слову нет) этот термин разъясняется с точки зрения лингвистики: «Внедрить — ввести и укрепить что-то в чем-то». Не возразишь, не поправишь — все точно, по-ожеговски.

Социальный же аспект, особенно касающийся изобретательства, иной. Внедрить — значит привнести куда-либо новое техническое решение, убедив людей в его полезности, и закрепить, то есть поставить дело на промышленные рельсы.

А что потом? Как этот процесс должен восприниматься и оцениваться обществом?

Э.Д. На мой взгляд «внедрено» — термин исключительно социалистический, предполагающий, что результаты внедрения инноваций становятся достоянием всего общества. Он стал терять истинное значение с приходом к власти Хрущева. Затем последовал вялотекущий период брежневского застоя, и слово «внедрено» вовсе потеряло изначальный смысл. Пришло время тотального дефицита, когда колбаса была «внедрена» только в Москве и Ленинграде. Инновационный процесс превратился в разновидность борьбы за выживание авторов и вместе с ними — самих новшеств. Я это испытал на собственной шкуре, но всякий раз держал удары. Однако плетью обуха не перешибешь, экстраполяция собственных достижений на все общество стала невозможной.

По-моему, пришло время слово «внедрено» заменить на «использовано». Где и кем воспринято изобретение — уже не важно. Главное — им пользуются, и это уже хорошо. Но заметьте, «плоды трудов и вдохновенья» изобретателей, труд разработчиков (конструкторов и технологов), рабочих, участвующих в создании и применении новшеств, никак не отражаются на качестве жизни общества. Оно, видимо, того заслуживает, так как беспрепятственно 30 лет скатывалось в «яму» и наконец перестало быть социалистическим.

Ю.Е. Что вы имеете в виду?

Э.Д. А то, что любая инновация — и только она должна давать экономический эффект, иначе никто бы не брался за их осуществление. Так вот, внедрение — то есть преодоление консервативной рутины — обеспечивало, повторюсь, экстраполяцию на социалистическое общество в целом. Каждый человек, до конца не осознавая причин улучшения качества жизни, участвовал в процессе внедрения новшеств. Так было до 1955 г.

Ю.Е. Уточните, пожалуйста.

Э.Д. После 1947 г., когда стало подниматься разрушенное войной народное хозяйство, началось уникальное в российской истории действие: дважды в год — весной и осенью — проводилось тотальное снижение цен на продукты питания, промышленную продукцию и услуги. Объяснялось это просто: каждая отрасль имела производственный план выпуска продукции, который ежегодно рос и неукоснительно выполнялся. В планах каждого предприятия красной строкой выделялась необходимость модернизации, на которую шли, в частности, амортизационные отчисления. Таким образом, творчество как бы программировалось. И стимулировалось. Рационализаторы получали разовые премии, а изобретатели, внедрившие инновации в отрасли или где-либо еще, имели свою долю отовсюду. Для талантливых ученых и специалистов была введена система крупных премий — министерских, сталинских и ленинских.

Процесс протекал как бы в автоматическом режиме. Но не всегда гладко.

Скажем, по весне цены на яйца не изменились. Сразу возник вопрос: «Почему?»... Руководство «Яйцепрома» вызывали «на ковер» и задавали тот же вопрос, что и все домохозяйки. Следовал анализ, и если толковых объяснений не находилось, то руководство пожинало плоды своей бездеятельности: его либо понижали в должности, либо...

А вот, скажем, автомобили и гвозди той же весной здорово подешевели. Ответственные за это министерства получали награды, хорошую прессу и немалые средства для стимулирования организаторов производства и новаторов.

Таким образом, качество жизни населения хоть понемногу, но постоянно улучшалось по первой компоненте вашего определения.

Вторая компонента — свободное время автоматически заработала после всеобщего сокращения рабочего дня с 8 до 7 ч и рабочей недели с 6 до 5 дней.

В результате страна поднималась из руин как на дрожжах и превращалась в сверхдержаву.

С победой дикого капитализма в нашей отдельно взятой стране о внедрении новшеств, которое ощущало бы все население, не может быть и речи. Теперь у нас качество жизни отдельных граждан разнится в тысячи раз: один покупает «Челси», другой — яйца Фаберже, третий рад поддержанной иномарке и куску мяса, четвертый — бутылке, а в основе своей российский народ влачит жалкое существование. СНГшникам и вовсе кирдык.

Ю.Е. Вот к чему привело лишение народа стимула к творчеству. Не так ли?

Э.Д. Да, выстояли не многие, такие, как я, «чайники»-изобретатели до мозга костей. Но внедрять свои инновации ныне мы

уже не в состоянии — социальный строй не позволяет. Можем использовать наработки в лучшем случае только в родной отрасли, да и то делается это локально. Мы, «чайники», грубо говоря, продаем свою интеллектуальную собственность предпринимателям или чиновникам, и они распоряжаются ею по своему усмотрению, как правило, хищнически разворовывая плоды труда цепочки: изобретатель — разработчики — рабочие — пользователи.

Приведу пример. Мое «Инновационно-внедренческое предприятие Э.Дергачева» поставляет для сети железных дорог наукоемкую продукцию — сотни тысяч изделий. За продукцию нам, конечно, платят по договорным ценам, но в дальнейшем, после отгрузки, учета никакого, сплошные манипуляции, открывающие невероятные возможности для воровства. Весь навар тем, кто «рулит», остальным крохи.

Еще не так давно всякие «теневики», ставшие ныне у руля Государства Российского, зубаскалили: «Социализм это учет и отчетность». Ха-ха! Мы покажем этим законникам и то и другое «в одном флаконе», на Рублевке...»

И показывают, и ликуют, и жируют, не понимая, что вся эта бесовщина — до поры, до времени. Без участия масс в творческом процессе модернизации производств их капитализм рухнет как картонный домик, не выдержав конкуренции ни с Западом, ни с Востоком, где действует четкая система поощрения рационализаторов и изобретателей, базирующаяся на постоянном пересмотре норм производительности и качества труда.

Их система не всеобъемлюща, как социалистическая, однако достаточно эффективна, что особенно ярко наблюдается в Японии, где около 5 млн постоянно меняющихся норм обеспечивают технический прогресс, а следовательно, и повышение качества жизни.

Ю.Е. Но вы, Эдуард Петрович, как-то сумели, хоть и боком, вписаться в этот строй, держитесь на виду и на слуху, не бедствуете. Как вы объясните сей феномен?

Э.Д. Я не вписался, а «временно прописался» благодаря изобретенной мною схеме ведения инновационного хозяйства. Мое производственное предприятие — единственное в своем роде в системе ОАО «Российские железные дороги» с замкнутым циклом: изобретение — разработка — производство — продажа продукции пользователю. Без меня, автора инноваций, никто не имеет права посягнуть на мою интеллектуальную собственность. И производственный цикл находится под моим контролем вплоть до подбора комплектующих. Вы не представляете, на какие только ухищрения не идет чиновничество, чтобы подставить мне подножку! Например, реализованный инновационный проект в виде некоего узла для подвижного состава квалифицируют как запчасть, а это совсем другие деньги. Продаю сами, а прибыль — себе. Красивый ход, ничего не скажешь. Вот я и борюсь с такими хитроуанами, добываясь истины в высоких инстанциях, где меня уважают.

Ю.Е. Скажите, ваша инновационная деятельность, даже при «временной прописке» в диком капитализме, может привести к главному показателю для общества — снижению цен на проезд по железной дороге? Если на государственном уровне учесть все ваши инновации, а у вас, как я знаю, есть их реестр и они находятся под авторским надзором, и суммировать экономический эффект от их использования, то можно ли говорить о снижении цен?

Э.Д. Я двумя руками за такую постановку вопроса, но реализовать ее государство наше не в состоянии, так как отсутствуют «учет и отчетность». По моим подсчетам, экономический эффект от наших инноваций только за последнее время приближается к миллиарду долларов. Причем мы своей продукцией замещаем импортную, во много раз более дорогую. Создаем рабочие места по России, и это тоже надо учитывать.

Короче говоря, наш вклад весом, но не настолько, чтобы повлиять на стоимость билетов по всей сети железных дорог, то есть экстраполироваться на все общество. А вот на некоторое повышение тарифных ставок и зарплаты железнодорожников денег, полученных от внедрения наших инноваций, думаю хватить бы. Кто-кто, а уж они, работающие в экстремальных условиях, сильно обделены. Так пусть хоть на моих коллегках скажется наша инновационная деятельность и таким образом хоть на немного повысится качество их жизни.

Я понимаю, это заявление попахивает маниловщиной, но все-таки, а вдруг! Чем черт не шутит, пока Бог спит.